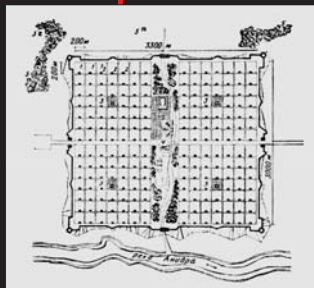

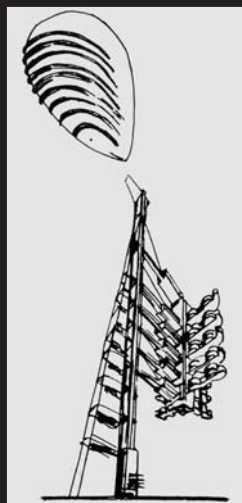
Расширение горизонта предвидения —
прецеденты из мировой архитектурной истории

Проект города для солеварен
в районе р. Шо.
Конец XVIII — начало XIX вв.
Круглый вариант.
Архит. К.-Н.Леду.

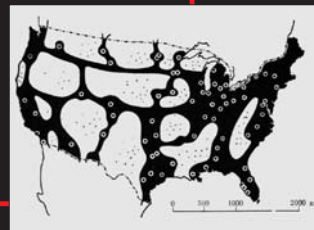

«Идеальный город» Т.Мора —
г.Амароутум. 1516 г.

«Летающий город».
1927-28 гг.
Архит. И.Юзефович.

Экуменополис в США, 2060 г.
1950-е гг.
Архит. К.Доксиадис.

Футурологические
вспышки в XX в.
совпадают
с пароксизмами
массовизации

Архитектура и градостроительство как инструмент конструирования будущего

Германский историк искусства Х.Зедльмайр полагал, что великие произведения искусства поднимаются до пророческой функции (1). В архитектуре иначе — даже образцы рутинной практики проектирования и строительства не могут не всматриваться в линию горизонта. Любой проект безотносительно к его масштабу и качественному уровню несет в себе футурологический заряд. Иначе говоря, архитектура проектна по определению — как бы это банально ни звучало.

Другое дело, что зазор между действительностями — проектной и эксплуатационной — неминуем. Недавно мне довелось побывать дома у своего приятеля — одного из ведущих московских архитекторов. Он, кстати, когда-то, на заре профессиональной карьеры, занимался, в том числе, интерьерами. Так вот, у него в квартире есть сауна, при входе оборудована вместительная купель. Я поинтересовался, как часто он ее задействует. Оказалось, за десять лет, что он живет здесь — всего один раз, когда только въехал: заполнил, бухнулся в нее, залил всю сауну, на этом дело закончилось.

Так что, даже проектируя для себя, зная себя как облупленного, архитектор отнюдь не всегда попадает в сценарий будущей жизни. Мысленно проигрывает варианты, пошагово моделирует это чаемое будущее... а жизнь вносит свои, нередко радикальные, коррективы. Что уж говорить о заказчиках и — особенно — о заказчицах с их непредсказуемыми движениями души? В «большой» же архитектуре этот разрыв, как правило, еще ощутимее — особенно в нашей, российской, действительности, где все переменчиво как в калейдоскопе: ТЗ, даже составленное по результатам качественно выполненных социологических и маркетинговых исследований, через пару-тройку лет, когда дом построен, может абсолютно не соответствовать изменившейся конъюнктуре. Впрочем, историческая динамика, бывает, не оставляет камня на камне и от планов западных девелоперов — даже таких многомудрых, как Д.Трампп.

Наряду с вышеупомянутой — назовем ее краткосрочной — прогностической функцией в архитектурной истории бывают периоды, когда архитектуре вменялось решительное расширение горизонта предвидения — вплоть до десятилетий и даже столетий. Приведем лишь два хрестоматийных примера — идеальные города эпохи Возрождения и архитектурные и урбанистические проекты времен Великой французской революции, принадлежащие Булле, Леду, Леке.

Однако лишь в XX в. такое зондирование будущего стало нормой, устойчивой общественной потребностью. Что, впрочем, не исключало периодов футурологических вспышек, когда дальнобойное архитектурное видение выдвигалось на главные роли, как это имело место в 1920-е и 1960-е гг. Симптоматично, что они оказываются синхрони-

Дом-коммуна
в Хавско-Шаболовском пр.
1928 г.

Архит. Г.Вольфензон,
С.Айзикович, Е.Волков.

Конкурсный проект
«Атриумариум».
Поощрительная премия. 1985 г.
Архит. М.Белов.

Проект восстановления Сталинграда.
Конец 1940-х гг. Архит. Л.Руднев и др.

зированной с пароксизмами массовизации, также ставшей специфической особенностью минувшего столетия.

Как известно, XX век – век утопий, властно вовлекавших в свою орбиту архитектуру и градостроительство. Утопическое сознание окрашивает как бумажные проекты, интенционально ориентированные в **надвигающееся будущее, так и архитектуру «сегодняшнего дня»** – то, что реально строится здесь и сейчас.

К.Мангейм различал четыре основных вида утопий: консервативную, коммунистическую, либеральную и хилиастическую (2). Именно последняя разновидность, как считают исследователи, специфична для России. Так, русский социализм – «не столько порождение западной утопии в ее научных, марксистских формах, сколько очередной прорыв в интровертивной цивилизации коллективного бессознательного с его хилиастическим пафосом и его столкновение с культурным канон» (3). Контурь грядущего Тысячелетнего царства проступают и сквозь ситуативность заимствованного на Западе коммунистического мифа – мелочно регламентированный и дотошно скалькулированный распорядок жизни обитателей домов-коммун 1920-х гг., статуарно застывшие в предвкушении безоблачного счастья идеальные города сталинской эпохи, размножившиеся от Калининграда до Владивостока рафинадные пилонады райкомов и обкомов времен развитого социализма и противостоящие им ностальгически пронзительные «воспоминания о будущем» наших бумажников родом из 1980-х. Уже в наше время рядящиеся теперь в либеральные одежды, скроенные по тем же западным лекалам, хилиастические утопии проглядывают сквозь загородные коттеджные новообразования, вопреки объективным обстоятельствам позиционируемые как места постоянного проживания (4), или докризисную поросль виртуальных «городов для миллионеров», замешанных на неприкаянных нефtedолларах и не имеющих ничего общего с реальными нуждами страны и ее населения (5). Остается вопросом: не принадлежит ли и самый последний по времени феномен – имеются в виду футурополисы, включая Сколково (6) – к той же хилиастической традиции?

Динамично нарастающие на всем протяжении XX–XXI вв. сложность общественной жизни и сама скорость происходящих исторических изменений, по сути, бросают вызов архитектурной профессии. Среди ключевых объектов архитектурно-градостроительного предвидения – система расселения и новые социально-функциональные типы, соответствующие духу времени архитектурные формы и образы и нарождающиеся материалы и технологии. 2010-е гг. являются точкой волнового резонанса – схождения длинного ряда циклов: тысячелетних, столетних, поколенческих и пр. (7), не говоря уже о том, что, как считает ряд ученых, именно на первые десятилетия XXI в. приходится т.н. сингулярность – рубеж, от-

**Хилиастические утопии,
рядящиеся
в коммунистические одежды**

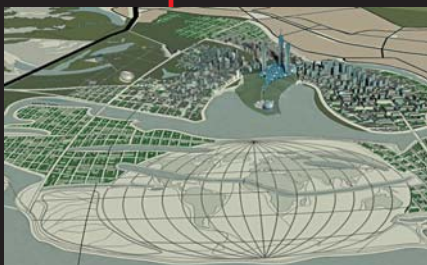
Дом Советов в Калуге.

1977-1984 гг.

Архит. А.Зарецкий, В.Шестопапов,
М.Шейнфейн, инж. В.Баранов.

?

Футурополисы 2010-х

Хилиастические утопии
в либеральной упаковке

«Globe Town».

Проект планировки центральной части
г. Бор Нижегородской области. 2008 г.
Проектировщики – «Данте Бенини и
Партнеры» и ОАО «Нижегородкапострой».

Поселок «Барвиха-Club». 2005 г.

Архит. А.Асадов, Е.Вдовин, Т.Коновалова,
А.Асадов, В.Биндеман, инж. А.Небытов.

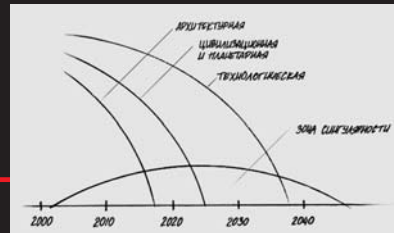
деляющий пространство истории от постистории, задающая энергию антропологического поворота (8). Можно ли считать, в соответствии с теорией исторических техноценозов Л.Бадалян – В.Криворотова, бескрайние российские территории вечной мерзлоты бывшими неудобьями, а в рамках наступающего седьмого техноценоза – новоосваиваемой геоклиматической зоной, что кардинальным образом переадаптирует абрис и структуру расселения? Как архитектурные типологии отреагируют на стремительное старение «метропольного народа» и молодежный прессинг мигрантов – «новых варваров»? Ожидающий человечество беспрецедентный исторический макросдвиг не может самым непосредственным образом не сказаться на архитектурной образности – неужели возможно что-то еще более душераздирающее, чем декон и его нынешние производные? Надвигающийся Шестой кондратьевский технологический уклад с ожидаемой NBIC-конвергенцией выведет на рынок самые разнообразные стройматериалы, в том числе с заданными свойствами – быть может, архитекторам стоит подумать об этих последних уже сейчас (10)? Известная пауза в сегодняшней практике проектирования и строительства, вызванная мировым экономическим кризисом, дает возможность смены и перенастройки оптики, перенаправления взгляда в будущее, формулирования средне- и долгосрочных прогнозистических сценариев.

Пока что, говоря о прогнозировании, мы имели в виду исключительно его проектный раздел. Однако в последние десятилетия XX в. разворачивается институционализация научной составляющей архитектурного прогнозирования, которая на первых порах использовала инструментарий, накопленный в социальных науках – от методов экстраполяции и опережающих аналогов до экспертных оценок и сценарного моделирования. На рубеже XX–XXI вв. бурно развивающаяся синергетика, или теория самоорганизации, вовлекает в сферу своего влияния архитектуроведение, представая в качестве методологической основы конструирования и проектирования будущего.

Надо сказать, точек соприкосновения синергетической парадигмы с архитектурой и градостроительством сегодня просматривается как минимум четыре. Прежде всего, этот альянс очевиден в актуальной практике урбанизма – особенно в испано- и португальскоязычных странах, напрямую использующих методологические постулаты нелинейной динамики в рамках такой активно эволюционирующей урбанистической стратегии, как акупунктура города (11). Другая точка пересечения – адаптация формообразующего потенциала фрактальной геометрии к современной практике архитектуры. Еще одна линия взаимодействия, которая могла бы в дальнейшем получить развитие – это психология архитектурного творчества, в рамках которой модели творческой активности, эмерджент-

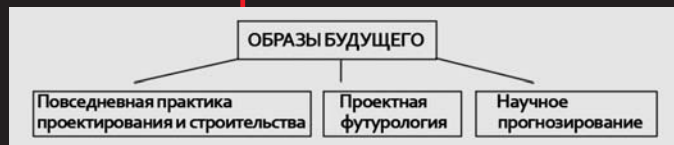
Синхронистичность сингулярностей

Архитектура
как инструмент
конструирования
будущего

Архитектура
как футурологическая
площадка

Середина – вторая половина 2010-х гг. –
архитектурная сингулярность
2020-е гг. – цивилизационная и планетарная
сингулярность (по И.Дьяконову, С.Капице,
А.Панову)
2030-2040-е гг. – технологическая
сингулярность (по Р.Курцвейлю)

Синергетические
приложения
в архитектуре

тности новых идей, инсайта, управления интуицией, самодостраивания и т.п., нарабатанные в синергетике, представляется любопытным апробировать, а возможно, и уточнить. Наконец, весьма перспективно применение потенциала теории самоорганизации к изучению истории архитектуры и градостроительства, что содействовало бы ее теоретизации, обретению номологического статуса, формированию такого ее важного раздела, как исследование альтернатив архитектурной эволюции, выходу на высший для любой научной деятельности диагностико-прогностический уровень. Первые шаги в этом направлении, связанные с выявлением и исследованием моделей и паттернов архитектурного процесса, таких как ритмоциклические закономерности, гомологические ряды, параметры порядка, аттракторы и др., уже сделаны (12).

В заключение вернемся к нашему тезису о ПРОЕКТНОСТИ архитектуры и градостроительства. В своей расширительной и уточненной версии он звучит следующим образом: **АРХИТЕКТУРА по природе своей – ФУТУРОЛОГИЧНА, УТОПИЧНА, СИНЕРГЕТИЧНА.**

1. Зедльмайр Х. Искусство и истина. О теории и методе истории искусства. – М., 1999, с.9. См. также: Хренов Н. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М., Альфа-М, 2005, с.104.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.
3. См.: Хренов Н., указ. соч., с.240–241.
4. Подробнее см.: Фесенко Д., Иванов Ал. Загородные поселки: к «gated community» сезонного проживания? // АВ, 2006, №1.
5. Подробнее см.: Фесенко Д., Бабуров В., Иванов А., Крашенинников А., Кудрявцев Ф. Новые градобразования: за и против // АВ, 2008, №2.
6. См. об этом: Фесенко Д. Российская архитектура и sustainability: два сценария – от деревянного домостроения к футурополисам // АВ, 2010, №2.
7. См., например: Турчин П. США 2010–2020: возможности и угрозы // forum-msk.org/material/economic/3682754.html
8. См.: Малинецкий Г. Предисловие. Книга надежды. – В кн.: Бадалян Л., Криворотов В. История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. – М., Либроком, 2009, с.22–23, Неклесса А. Борьба за будущее – www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.ytml#_ftn1 и др.
9. См. подробнее: Бадалян Л., Криворотов В., указ. соч.
10. Этот сюжет выбран редакцией «АВ» в качестве темы концептуального архитектурного конкурса, итоги которого будут подведены на Фестивале «Зодчество-2010».
11. Подробнее см.: Плохов Ю., Фесенко Д. «Акупунктура города» – этап становления // АВ, 2010, №2.
12. См.: Фесенко Д. Архитектура и градостроительство середины 1950–1980-х гг. с экстрапрофессиональных позиций // АВ, 2010, №3; Норина А., Фесенко Д. О переходных периодах в истории российской архитектуры. Из опыта изучения гомологических рядов (в печати) и др.